

ФАТАЛЬНЫЕ ОШИБКИ ЛИДЕРОВ ЗАПАДА

*Людские страдания, которые будут сопровождать
развитие этого кризиса, окажутся поистине
беспрецедентными.*

М. Снайдер

Кризис перехода к развитию в следующей эволюционной эпохе вовсе не обязательно протекает по модели общественной катастрофы – революционного взрыва. Как любой взрыв, революция не перестраивает существующее общество, а практически мгновенно в исторических масштабах времени разрушает его до основания.

Революция сносит власть и общественные институты. Как следствие, общественная среда превращается в джунгли. Именно это является источником всех несчастий и тягот населения. И требуется много лет, пока сформируется компетентная власть, которая создаст работоспособные общественные институты и наведет порядок в общественной среде.

Но большинство обществ преодолевает кризис перехода без революционных потрясений. В таком варианте перехода власть постепенно модернизирует организацию общества – приводит ее к адекватной современным условиям системе и качеству. Этот процесс может растягиваться на десятилетия – это зависит от того, насколько рано власть начала заниматься модернизацией.

В каком варианте общество будет преодолевать кризис перехода, революцией или модернизацией, полностью зависит от качества правящего класса. Если он деградировал, во-первых, он неспособен осуществлять модернизацию, во-вторых, своей деятельностью создает в обществе разрушительные дисбалансы. Поэтому гарантированно доводит общественную ситуацию до революционного взрыва, энергию которому обеспечивает резонанс сформировавшихся в обществе дисбалансов, наблюдаемых в виде букета системных кризисов.

Крушение СССР демонстрирует, что и попытка деградировавшего правящего класса заняться модернизацией заканчивается разрушением общества. В таком варианте имеет место не революционный взрыв, а общественная авария. Но разрушения имеют аналогичные революционным масштабы, хотя сопровождаются меньшими жертвами и тяготами.

Если правящий класс не деградировал, он способен объективно оценивать возникающие в обществе дисбалансы системного характера. Поэтому устраняет их модернизацией системы организации общества – реформами. В результате постепенно приводит организацию общества к адекватному имеющимся условиям качеству.

В процессе развития действует правило: чем меньше ступенька, тем надежнее и успешнее подъем. Маленькие ступеньки, это небольшие и, как следствие малочувствительные для

граждан реформы. Преодоление кризиса перехода, это подъем в общественном развитии на очень большую высоту. Поэтому чем меньше ступеньки, тем больше времени требуется для подъема.

В условиях кризиса общественные процессы ускоряются. Поэтому у правящего класса мало времени для реформирования по модели маленьких ступенек. При этом у деградировавшего правящего класса и нет времени для эволюционного варианта обновления – это всегда долгий процесс. Поэтому если в кризисе перехода общественные дисбалансы достигли критических значений, избежать революции или аналогичной советской общественной аварии деградировавшему правящему классу невозможно. Соответственно, он обречен на уход в историю, а общество на тяготы и лишения.

Именно такая ситуация сложилась у лидера и вице-лидера Запада – США и Евросоюза. Доминирование финансистов в правящих классах в итоге обеспечило их деградацию. А допущенные ими стратегические ошибки создали общественные дисбалансы, которые гарантированно обрекают оба геополитических проекта на аналогичный советскому проекту итог. Наличие именно такой ситуации констатировал доклад Римского клуба.

Стратегической ошибкой правящего класса США стала смена лоции общественного развития. Переход на лоцию неолиберализма запустил процесс его деградации. Сначала в части этики, а затем и в части компетенции. Поэтому вовсе не отказ от «золотого стандарта» испортил возглавляющих истеблишмент финансистов. Их испортил неолиберализм – задал ложные цели деятельности и порочные способы их достижения. Ложными целями стали неограниченное обогащение и необходимая для этого власть над обществом. Порочными способами их достижения стали эмиссия фальшивой стоимости и спекуляции.

Сегодня реальная власть в странах Запада принадлежит финансовой группе экономической элиты. Но этот ее успех стал пирровой победой. Потому что Америка, как системообразующий элемент Запада, превратилась в колосса на бумажных ногах. Дело в том, что не имеющим обеспечения реальными активами валютам сохранять покупательную способность позволяет репутация эмитента – вера в его добросовестность и компетентность.

Бесцеремонный отказ от золотого стандарта был нарушением США обязательств, которые они взяли на себя по Бреттон-Вудскому соглашению. То есть, соглашению, по которому доллар получил статус главной мировой резервной валюты. Отказ выполнять эти обязательства лишил ФРС первой части репутации – веры в ее добросовестность.

Проводимая Америкой во второй половине XX века внешняя политика только укрепляла понимание системной недобросовестности истеблишмента. Как следствие, в мире сформировалось твердое понимание системной недобросовестности ФРС. В результате ее репутация сегодня держится только на вере в ее компетентность. Так Америка превратилась в колосса на одной бумажной ноге.

Кризис 2008 года запустил процесс необратимого разрушения веры в компетентность ФРС. Потому что она, как лидер финансовой элиты Запада, не смогла устранить вызвавшие этот кризис причины. И сегодня они привели мировую финансовую систему к намного более мощному кризису – в ней сформировались аналогичные по сути, но гораздо более масштабные дисбалансы.

Эксперты крайне скептически оценивают возможность еще раз успешно залить кризис долларовой эмиссией. Потому что она не будет обеспечена верой в компетентность эмитента и лишь обрушит доллар. По эффекту домино финансовый кризис кардинально усилит пока еще развивающийся в вялотекущем режиме мировой экономической кризис. Он в свою очередь спровоцирует кардинальное обострение тоже пока еще вялотекущих национальных социальных кризисов, которые переведут политические кризисы в острую форму.

Мощь резонанса букета этих кризисов не сможет укротить никакая эмиссия. Что интуитивно понимают эксперты. Потому что это мощь кризиса перехода. И капитализм рухнет точно так же как рухнул социализм. Вопрос только в том, рухнут ли США и Евросоюз вместе, или сначала рухнет один из них, а очередь второго наступит на несколько лет позже?

Более вероятен второй вариант. Дело в том, что модели капитализма в США и в Евросоюзе во многих деталях различаются. Потому что европейская версия неолиберализма, которой руководствуются правящие классы входящих в Евросоюз стран, является результатом неолиберальной модернизации социал-демократической идеологии и сохранила некоторые элементы последней.

Сумма деталей вполне может обеспечивать разную степень устойчивости. Плюс в США и Евросоюзе существенно разная ситуация в части набора политических, экономических и социальных проблем. И сформированные ими общественные дисбалансы имеют заметно разную степень глубины и остроты. В США они гораздо масштабнее – это ясно демонстрирует накал политической борьбы.

Но рухнут обязательно оба, потому что обоими руководят финансисты. Ситуация в производительной экономике наглядно демонстрирует управленческие способности финансистов. Так, установив свой контроль над производительной экономикой, финансисты поставили во главе всех крупных предприятий своих представителей – аналогичных себе по способностям менеджеров. В чем и состояла суть «революции менеджеров».

В результате сегодня предприниматели возглавляют компании только в самой молодой производительной отрасли – IT-индустрии. Именно поэтому она выглядит благополучной. Тогда как во всех остальных производительных отраслях дела обстоят печально. Так в них уже много предприятий, существующих по модели, получившей название «компания зомби». То есть, безнадежных банкротов, деятельность которых контролирующие их финансисты поддерживают постоянным ростом долговой нагрузки.

Тогда как у многих относительно благополучных предприятий большую часть прибыли обеспечивает не производственная деятельность, а финансовые спекуляции. Так контролирующие их финансисты обеспечивают сохранность своих производительных активов. В результате часть крупных компаний производительной экономики фактически мертва, а часть существует за счет не относящейся к экономике деятельности. Это закономерный результат управления бизнесом менеджерами и инвесторами.

Эмиссия фальшивой стоимости и вакханалия спекуляций превратили финансовую группу экономической элиты Запада в потерявшего чувство реальности игрока – безответственного и некомпетентного в своей властной деятельности. Как следствие, в развитых странах

финансовая система превратилась в злокачественную опухоль, убивающую не только экономику, но и все общество.

В результате Америка имеет букет раскалывающих ее трещин – между богатыми и бедными, между белыми, черными и латинос, между жителями городов и сельской местности, между уровнями развития обществ штатов. И эти трещины неуклонно углубляются. В итоге сегодня устойчивость Америке обеспечивает только доллар. И если мировой финансовый кризис похоронит доллар, это похоронит и США в их современном виде.

В этом смысле действия администрации Д. Трампа, это «бунт на корабле». Часть истеблишмента осознала, что корабль американского общества несет на рифы смертельного для него финансового кризиса. И пытается сменить курс страны – вернуть Америку в «золотые 50-е». Но это значит пытаться двигаться против течения самого мощного во Вселенной процесса – эволюции. Так как это пока никому не удавалось, такой курс только ускорит наступление краха и обеспечит ему самую тяжелую форму.

Большая часть истеблишмента отчаянно сопротивляется действиям администрации Д. Трампа. Она понимает, что в случае поражения она будет полностью смыта. А история крушения СССР наглядно демонстрирует, что не имеющие качественного интеллектуального обеспечения реформы только ускоряют разрушительные процессы. Поэтому большая часть истеблишмента руководствуется словами «после нас хоть потоп». Соответственно, ориентирована на замораживание ситуации. И сопротивляется по аналогичной гражданской войне модели «борьбы без правил».

Отсутствие в странах Запада больших в личностном плане политиков, это результат прихода к власти в них финансистов. Потому что им такие политики не нужны – финансисты сами управляют странами Запада. И политики выполняют в этом деле технические функции – политических менеджеров. То есть, являются аналогами инженеров на предприятиях. Поэтому политики не могут справиться с развивающимся на Западе системным политическим кризисом. Ведь проблема в их начальниках – финансистах.

Общество страны, это гораздо более сложный в сравнении с предприятием объект управления. А финансисты в общественных проблемах разбираются еще хуже, чем они разбираются в экономических проблемах. Но при этом они прекрасно знают, что для восстановления работоспособности обанкротившегося предприятия в первую очередь требуется сменить его руководство. Потому что вывести бизнес из состояния банкротства, это намного более сложная задача в сравнении с управлением его стабильной работой. Поэтому те, кто не справился с управлением стабильной работой бизнеса в принципе не способны вывести его из банкротства.

Поэтому для финансистов цивилизационная парадигма нужна ровно в такой же степени, в какой корабельному механику нужна карта Тихого океана. А уж модель принципиально другого общества финансистам не нужна ни при каких условиях – в любой другой модели общества финансисты гарантированно утратят свой властный статус. Причем не только в обществе, но и в экономике. И с вероятностью 99% не только лишатся всех скупленных активов, но и больше не смогут получать легкие доходы. Реально будут опущены до статуса бухгалтера экономики.

Именно поэтому на Западе приступили к разработке проектов «лекарств скорой помощи». Финансистам нужно любыми способами сохранить модель общества, в котором они являются верховной властью. Но это способна обеспечить только одна модель общества – используемая властью Северной Кореи. И так как финансисты в своем стремлении сохранить свою власть готовы на все, они вполне могут пойти на этот вариант «модернизации» стран Запада.

Евросоюз был создан финансовыми элитами европейских стран – с его помощью они рассчитывали увеличить свою весовую категорию до сопоставимой с весовой категорией американской финансовой элиты. Но так как они не понимали в природу общества, то и не знали, в какой деятельности и как общества способны объединяться. Как следствие, объединили всех, кого удалось убедить в радужных перспективах союза. И выбрали вроде бы понятную им модель федеративного объединения.

Социал-демократические элементы европейской версии неолиберализма в некоторой степени смягчили его. Эти элементы были встроены в модель организации общества, а так как европейские финансисты начали «модернизировать» ее позже американских коллег, они просто не успели эти элементы полностью ликвидировать.

Тем не менее, созданная на основе относительно мягкой версии неолиберализма модель федерации имеет принципиальные дефекты, которые делают ее общественным извращением. Так что системные дисбалансы в Евросоюзе только медленнее формировались и сегодня лишь приблизились к критическим значениям глубины и остроты. В итоге даже смягченный неолиберализм привел правящие классы европейских стран к стратегическим ошибкам, которые они совершили при создании Евросоюза.

Финансисты объединяли страны так, как считали нужным – чтобы объединение было выгодно богатым членам. Плюс устанавливали правила, внешне выглядящие демократическими, но реально обеспечивающие богатым членам монополию на власть. То есть, реализовывали неолиберальные идеи. Как следствие, относительная демократия имеется только в отношении между богатыми членами Евросоюза.

Поэтому богатые члены Евросоюза имеют в нем статус элиты, а бедные – статус народа-биомассы. Соответственно, в отношениях между ними отменена справедливость – евроэлита лишь обеспечивает евронароду минимально комфортный уровень социального комфорта. А высокий уровень социального комфорта для евронарода является аналогичной коммунистической перспективой – не достижимой.

В результате евроэлита не только правит евронародом, но и руководствуется при этом исключительно своими корыстными интересами. В таких отношениях евронарод может только деградировать. И этот процесс виден невооруженным глазом. Так, бывшие соцстраны опустились с достигнутого в результате пребывания в социалистическом лагере уровня развития на уровень первой половины XX века – перестали быть промышленно-развитыми и не имеют заметных в мировом пространстве интеллектуальных элит.

Деятельность общества, как коллективной формы разума, всегда целенаправленна. То есть, как и человек, своей деятельностью общество достигает нужных ему целей. Они достигаются деятельностью в двух пространствах – внутреннем и внешнем.

Любая цель должна достигаться деятельностью в легальном для нее пространстве. Поэтому цель, легальная в одном пространстве, может достигаться деятельностью в другом пространстве только в части получения необходимых для нее ресурсов. И только в варианте использования услуг подряда субъекта второго пространства или получения кредита от ее субъекта.

Тогда как практика отъема обществом нужных для достижения его целей ресурсов у более слабых обществ представляют собой отношения угнетения. А так как в отношениях между обществами, как коллективными разумами, легитимен только справедливый обмен, такая практика полностью порочна и обеспечивает деградацию угнетателя с положенным ей финалом.

Соответственно, совместная деятельность обществ в достижении общих для них целей полностью легальна только во внешнем для них пространстве. Поэтому объединяться с другими обществами в союзы и конфедерации общества должны только для достижения целей своей деятельности во внешнем пространстве. В союзы для достижения временных общих целей, в конфедерации для достижения постоянных целей.

Общества могут объединяться для достижения только целей интеллектуальной деятельности – общественного развития. Такие объединения должны повышать эффективность достижения общих для их членов целей таким же способом, каким эффективность повышается объединением в общество людей – адекватной их компетенции специализации в коллективной деятельности и объединением ресурсов. А отношения в таких объединениях стран должны основываться на соответствующих особенностям интеллектуальной деятельности версиях справедливости – пропорциональной и относительной.

Тогда как для достижения целей социальной деятельности, то есть, благополучного существования, общества объединяться не могут. В первую очередь потому что в таких объединениях отношения должны иметь в качестве основы ценность справедливости равенства. Соответственно, участники объединения должны вносить одинаковый во временном измерении вклад в достижение целей в виде одинакового процента ВВП и получать равную долю их результатов. То есть, все граждане участников такого объединения должны иметь одинаковый уровень социального комфорта в виде близкого уровня жизни и одинакового качества общественной инфраструктуры.

Получается, что какую-то часть уровня социального комфорта более бедным участникам объединения должны обеспечивать более богатые участники. Соответственно, первые должны часть уровня социального комфорта обеспечивать не своим трудом, а трудом других участников. А это паразитический способ достижения социального комфорта, который будет отрицательно восприниматься гражданами более богатых участников объединения. А более бедных участников объединения лишит стимулов развиваться. В результате автоматически обеспечит их деградацию.

В СССР до 60-х годов объединение союзных республик было полностью ориентировано на достижении целей общественного развития. Именно это обеспечило все успехи СССР. Но затем

деятельность объединения была переориентирована на цели социального комфорта граждан. И в позднем СССР от половины до двух третей расходов на социальный комфорт граждан в союзных республиках обеспечивали трансферты от России.

В результате общества союзных республик стали ускоренно деградировать. И к концу 80-х годов полностью утратили адекватность условиям. Именно поэтому они отказались от имевшегося у них достаточно высокого социального комфорта в пользу мифов независимости и демократии.

В итоге за исключением Белоруссии, Азербайджана и Казахстана все союзные республики де-факто разорились. Что касается стран Балтии, то им достаточно высокий уровень социального комфорта обеспечивают трансферты Евросоюза. То есть, они фактически лишь сменила донора и продолжают деградировать.

Такая же мина тикает под США. В стране близкий уровень социального комфорта обеспечивается по модели позднего СССР – благополучие менее экономически развитым штатам обеспечивают федеральные трансферты. То есть, эти штаты свой уровень жизни сами не зарабатывают – в существенной степени паразитируют на более развитых штатах.

Так как общества, как и люди, объединяются для достижения общих для них целей, это значит, что федеральная власть должна заниматься только их достижением. И не вмешиваться в деятельность властей субъектов – достижением ими во внутреннем пространстве общих целей граждан. Соответственно, в федерации не должно быть отношений подчиненности – у федеральной власти и властей субъектов имеются разные пространства для деятельности.

По сути, в федерацию объединяются только интеллектуальные сферы субъектов и только в деятельности по достижению общих для субъектов федерации целей развития. В этом случае социальные сферы субъектов федерации полностью защищены от недобросовестных действий федеральной власти. Как следствие, обладают максимальной устойчивостью.

Именно отсутствием между властями отношений подчиненности федерации отличаются от империй. Как следствие, в полноценной федерации нет главного порока империй – отношений угнетения. Отношения между властями субъектов федерации с федеральной властью обеспечивают лишь согласование вопросов достижения общих для субъектов целей.

В Евросоюзе во многих вопросах отношения подчиненности имеют место. И имеются механизмы, позволяющие евробюрократии вмешиваться во внутренние дела его субъектов. По сути, Евросоюз представляет собой приспособленный к условиям индустриальной эпохи аналог феодальной империи. В ней свобода имеется только у элит и вообще нет справедливости – на равной, ни пропорциональной, ни относительной.

У евроэлиты и евронарода нет общих целей, как основы объединения в федеративное общество. У субъектов евроэлиты имеются общие цели использования в своих меркантильных целях субъектов евронарода. Поэтому евроэлита реально представляет собой аналогичную имперской метрополии – коллективную. В коллективной метрополии имеется демократия – обеспечивающая ее субъектам пропорциональную справедливость. Но в Евросоюзе в целом действует только внешне демократическая система управления – гарантированное большинство

в Европарламенте позволяет евроэлите авторитарно управлять евронародом. Как и положено в империи.

Так как положенных федерации общих целей у евроэлиты и евронарода нет, евробюрократия объявила основой объединения «общие европейские ценности». Но общие ценности только обеспечивают толерантность отношений между участниками, которая повышает эффективность совместной деятельности. Поэтому общие ценности не могут быть основой объединения.

Во Второй Мировой войне СССР и его партнеры по антигитлеровской коалиции имели общую цель – победу над Германией и Японией. И не имели «общих ценностей». И тот факт, что они успешно достигли общую для них цель, свидетельствует, что общие ценности играют не системную, а только техническую роль.

Общие ценности никакого влияния на эффективность Евросоюза не оказывают. Потому что они повышают эффективность федерации только в варианте объединения близких по уровню развития и социального комфорта участников объединения. В этом случае объединению не требуются социальные трансферты. Как следствие, нет условий для паразитизма, как формы недобросовестных отношений. Соответственно, нет провоцируемого паразитизмом антагонизма в отношениях между народами. И нет создаваемых паразитизмом благоприятных условий для деградации субъектов федерации.

Системный кризис Евросоюза, естественный результат некомпетентного и при этом еще и недобросовестного творчества его создателей. Модель Евросоюза неадекватна современным условиям. Плюс отягощена некомпетентностью евробюрократии, которую финансисты назначили управлять деятельностью псевдофедерации. Поэтому в своем современном виде Евросоюз невозможно модернизировать – процесс деградации модели его организации уже прошел «точку невозврата». То есть, стадия снижения эффективности системы перешла в стадию ее разрушения.

Сохранить Евросоюз можно только «хирургически» заменив модель его организации на принципиально новую – прогрессивную. То есть, адекватную условиям постиндустриальной эпохи. Как это сделали коммунисты, придя к власти в Российской империи в 1917 году – сменили феодальную модель на адекватную индустриальной эпохе социалистическую. Эта модель общества позволила не только сохранить сложившееся за два предыдущих века объединение народов, но и обеспечила СССР успешное общественное развитие. В итоге превратила его в сверхдержаву.

Но пока у Евросоюза практически нет шансов перейти на прогрессивную модель организации – способную сохранить объединение и обеспечить ему успешное развитие. И дело даже не в том, что такой модели у руководства Евросоюза нет. И нет способных ее создать специалистов. Проблема в том, что финансисты неадекватны такой модели. Соответственно, лишатся власти. И они не питают иллюзий по поводу своих перспектив. Поэтому европейские интеллектуалы тоже занимаются созданием для Евросоюза «лекарств скорой помощи», которые будут только поддерживать его существование.

Что касается правящих классов входящих в Евросоюз стран, то они деградировали до состояния, которое делает их неадекватными любой прогрессивной модели общества. Реально

они способны управлять только тоталитарной моделью общества – аналогичной северокорейской.

Так что вовсе не случайно президент Франции Э. Макрон, как ставленник финансовой элиты, сразу после избрания на встрече с послами стран Евросоюза предложил отменить политический суверенитет членов Евросоюза, а выборы власти сохранить только на муниципальном уровне. По сути, Э. Макрон предложил перейти к диктатуре в Евросоюзе евробюрократии. От нее до северокорейской модели диктатуры один-два шага.

В этом смысле оживившиеся дискуссии о создании общей для Евросоюза армии можно рассматривать в качестве тревожного звонка. Потому что такая армия нужна реальной власти Евросоюза – его финансовой элите. Как необходимый для сохранения властного статуса минимально зависимый от членов Евросоюза инструмент подавления бунтов. Так что лишиться свободы, демократии и кучей справедливости народы стран Запада могут в ближайшей перспективе. И это уже вполне реальная перспектива.

Соответственно, если финансисты не смогут создать европейский вариант северокорейского режима, они в полном составе покинут политическую арену. Для Евросоюза последний вариант является самым реальным – правящим классам входящих в него стран уже не по силам осуществить перевод своих обществ на северокорейскую модель.

Тогда как в США возможны оба варианте – как установление подобного северокорейскому режима, так и полная смена истеблишмента. Он моложе европейских коллег и сохранил имперский менталитет. Поэтому вполне способен повторить северокорейский проект. Но пока для США и Евросоюза наиболее вероятным является вариант распада по советскому сценарию.